

Глава IV

Режиссер и ножницы

Чем кормили на обед, пересказывать не буду, потому что единственное, чем он отличался от завтрака, так это наличием первого блюда. Да еще, пожалуй, более оживленным видом разносчиц. Правда, народу в столовой почти не было. Совещание пожарных уже закончилось, и они благополучно разъехались.

После обеда у меня еще оставался час до встречи в Училище золотного шитья, и мы с Режиссером, укрывшись в тени, могли поговорить.

– Ну как вам Троицкие гуляния? – спросил я.

– Замечательно! Сколько людей! И лица у всех добрые, приветливые, давно такого не видел. Что особенно хорошо – очень много детей. А как эти дети поют, как пляшут... Поразительно! Все-таки мы в Москве ничего не видим и не знаем. Страны своей не знаем. Все что-то пишем, вещаем, пытаемся кого-то учить, а надо бы самим поучиться, присмотреться...

Я тоже выказал восхищение увиденным и услышанным, но меня никак не оставлял вопрос: какое это все имеет отношение к Пушкину? Понимаю, что Пушкин дорог каждому, что он наш самый великий поэт, и уже этого достаточно, чтобы чествовать его до окончания века. Но меня интересовала не символическая, а буквальная связь народного праздника в Василёве с поэтом. Существует ли она? Об этом я и спросил Режиссера.

– Как это, «какое отношение к Пушкину»? Еще надо подумать, кто к Пушкину ближе: вот все эти люди или мы с вами?.. Когда я был таким молодым, как вы, мне попалась книжка, изданная в конце прошлого века, и там интересный факт приводится, во всяком случае многозначительный. Когда Николай Первый помиловал Пушкина и

разрешил ему покинуть Михайловское, то за Александром Сергеевичем приехал в деревню офицер, чтобы срочно увезти его в Москву, где находился тогда государь. И это оказалось для всех, включая Пушкина, полной неожиданностью. Арину Родионовну и всех близких к Пушкину охватил ужас. У них возникло ощущение, что его у них отнимают. Им показалась, что поэт исчезал из среды живых людей, в то время когда, казалось, он, наоборот, возвращался в их среду. И если проследить за дальнейшей судьбой поэта, то это ощущение было не так уж далеко от истины.

– Тем более что его впоследствии всегда тянуло в деревню, – зачем-то добавил я.

– У нас представление, будто Пушкин – такой франт в цилиндре, с бакенбардами, во фраке, с тростью, куда-то все глядит вверх... Посмотрите, каким его изображают. Этаким столичный светский лев. А он ведь был другим. Конечно, он «переболел» всей этой героикой, Байроном, Бонапартом, но вот поездил по России, побывал на Юге, на Кавказе, посмотрел, прислушался, на многое стал смотреть иначе... И, потом, он открыл для себя Шекспира... Он писал: «...до чего изумителен Шекспир! Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик!» Пушкин тогда говорил, что у него после чтения Шекспира кружится голова.

– Что же он открыл для себя вместе с Шекспиром?

– То, что великий поэт просто так, ни с того ни с сего, не появляется. Его, условно говоря, готовит не одна эпоха и не одно поколение. Идущие из глубины веков предания, легенды, былины, сказки, всевозможные летописи, сказания, а еще песни, поговорки, пословицы, то есть весь культурный пласт, который накапливается в

148. В. Шекспир.
Ж. Годофруа, с оригинала М. Фельтона. 1796

народе, в его сознании, традициях и привычках. Когда этого накопится достаточно, появляется литература – поэты, драматурги, писатели, но это еще только предтечи будущего великого поэта. Шекспир, например, был высшей точкой целой плеяды драматургов, он смог уловить, услышать то, что было до него, и понял, как может быть после. То же и Пушкин.

– Вот отчего у него закружилась голова!

– А у кого бы не закружилась? Но это головокружение не от успеха, а от величайшего самостоятельного открытия. От того, что он услышал свою страну, увидел ее просторы и, что еще важнее, ее скрытый от поверхностного взгляда, невероятно богатый, накопленный многими веками творческий смысл. Вот от чего «Борис Годунов» и радостный крик «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!».

– Не это ли имел в виду Глинка, когда говорил, что музыку пишет народ, а композиторы ее лишь аранжируют? – включился я в размышления Режиссера.

– В музыке то же самое... И вот Пушкин бросается собирать русские песни, поговорки, сказки, былины... Он начинает всерьез заниматься изучением истории. Ссылка его в Михайловское – это, конечно, наказание для него, но... Вот он в Святых Горах одевается по-крестьянски: белая рубаха, широкие мужицкие портки с бахромой, на ногах берестовые поршни вроде глубоких калош; подпоясывается красной лентой, которую закидывает через плечо, а на голове большая с широкими полями соломенная шляпа. Ничего, правда? Вот бы такой памятник ему поставить...

– Пушкин в соломенной шляпе? – трудно представить.

– И в таком виде он появляется на ярмарке или на базаре, ходит среди народа, толкается, слушает речь, записывает меткие выражения, необычные фразы, песни, и сам он тоже поет. Много раз его видели среди слепых рассказчиков или певцов. А сколько сказок он записывал, легенд, историй! И не только в Михайловском, но и в Болдине. Там столько преданий сохранилось, рассказов, легенд, связанных с Пушкиным. Вот Александр Сергеевич идет по ярмарке, ко всему присматривается, прислушивается, вдруг слышит:

*Бабы, мужики и господа,
Подходите, у меня посуда больно дешева.
У нас руда своя,
Мы ее роем у двора,
В воде растопляем,
Горшки из нее слепляем,
На огне для прочности закаляем,
На базаре для продажи выставляем.*

«Барин, купи кружку, будешь пиво попивать да казаринцев вспоминать», – это мужик к Пушкину так обращается. И Пушкин купил эту казаринскую кружку и увез с собой в Москву... Там, в Болдине, есть хор бабушек, который до сих пор поет те самые песни, которые слушал и записывал Пушкин. Представляете?! А вы спрашиваете, какая связь! Пушкин – это великий собиратель. Ведь Русь полна сказок и преданий. В каждом районе, уезде, селе что-то свое неповторимое. Есть целый том «Сказки и легенды пушкинских мест»...

– То есть Россия – это своеобразный, насыщенный бульон, и Пушкин это вовремя уловил, – так?

– Он писал: **«...до обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания»**. Это Пушкин-то, царскосельский лицеист, называет свое образование «проклятым»! А все потому, что открыл для себя нечто очень важное. Может быть, самое важное. До него это тоже интуитивно понимали Радищев, Карамзин, Жуковский, но – здесь уже Божий Промысел – надо было родиться Пушкину. Вот луч света ударяет в призму, а уже из нее исходит многоцветием. Так у нас Пушкин. Культура до него и после. Счастливый он господин, очень счастливый!

Немного помолчав, Режиссер продолжил:

– Мы часто слышим слово «элита». Везде у нас эта самая «элита» мелькает. Включишь телевизор – и только слышишь про нее. А действительная элита где-то в другом месте...

Тут Режиссер улыбнулся, вспомнив эпизод:

– Пушкин как-то был в Александринском театре, и там играла очень известная артистка, любимица театральной публики Варвара Асенкова. А рядом с ним сидели какие-то молодые люди, которые кстати и некстати хлопали ей, раздражая Пушкина, совершенно равнодушного к тому, что происходит на сцене. И вот эти двое, видя, что их сосед столь холоден к их любимой актрисе, стали между собой довольно громко шушукаться и даже обозвали Пушкина дураком.

– И что Александр Сергеевич?

– Он им сказал, что, во-первых, он не дурак, а Пушкин, а во-вторых, не бьёт их по роже лишь потому, что не хочет, чтобы Асенкова приняла пощечины за аплодисменты в свой адрес, – Режиссер расхохотался. – Вот какой господин был! Удивительный!

– С чувством юмора было все в порядке...

– Но слушайте дальше... Это насчет «элиты». А теперь сравните... Как-то Пушкин на Новый год был у цыган. И там была одна цыганка – Таня, которая здорово пела. Ее позвали спеть Пушкину романс...

Здесь я признаюсь, что этот рассказ Режиссера был лишь приблизительным, и, чтобы его не перевирать, мне пришлось впоследствии отыскать его в книге. Эпизод оказался таким ярким, что лучше, если я его приведу полностью. В дальнейшем мы иногда этим приемом будем пользоваться, в чем большого греха нет. (См. «Разговоры Пушкина», М., изд. Федерация, 1929, С.143.)

«Бежит ко мне Лукерья, кричит: “Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят”. Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила... И только он [Пушкин – авт.] меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам:

“Поваренок, кричит, поваренок!..” Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: “Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери” [Гляди, значит, гляди, как не хорош, точно обезьяна]. Они так и залились. А он приставать: “Что ты сказала, что ты сказала?” –

“Ничего, – говорю, – сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете”. А Павел Войнович Нащокин говорит ему: “А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет”... Тогда были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: “Друг милый, друг милый, с-далека поспеши”. Как я его пропела, Пушкин... кричит: “Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!..”»

– Видите, как искренне и как безудержно радовался цыганской песне и как реагировал на игру известной актрисы в Александринском театре. Вот и ответ насчет «элиты»... А как он восхищался русскими сказками, поговорками, пословицами... Вот вам и связь этих народных гуляний с Пушкиным. Самая прямая. Неразрывная!

Режиссер замолчал, а я решил рассказать о своем вчерашнем разговоре с Валентиной Федоровной, о том, как восстанавливалась память о Пушкине в Торжке. Режиссер не особенно был увлечен моим рассказом: чем его удивить? – но, услышав слово «реанимация», тотчас отреагировал.

– Да какая «реанимация»? Господь с вами! О чем вы говорите? Слово-то какое подобрали... Все мы никак не успокоимся, все нам надо заниматься «реанимацией», «реабилитацией»... Что за страна такая! Хоть кол на голове теши... Это нам надо реанимироваться, а не Пушкину. Это мы помрем без него, а не он без нас. У него-то, слава Богу, все в порядке. Он жил счастливо, узнал настоящую любовь, столько дал своей стране, нам всем...

Я виновато молчал, а Режиссер погрузился в раздумье, расстроенный дурацким и неуместным словом.

– Пушкин был к тридцати годам очень мудр. Он понял, кто творец культуры и где ее искать. Проза жизни – вот где должен вестись поиск. Он там и искал. И вся великая литература наша находилась в этом поиске. А уйдешь от этого в сторону, соблазнишься на какую-нибудь, как они сейчас говорят, «эксклюзивную» тему – и все... Может быть успех, признание, но вскоре от этого ничего не останется. И, посмотрите, простые люди считают

Пушкина своим... Мы вот часто говорим «простые люди». А для Пушкина простых людей не было.

Режиссер привстал со скамейки, и я мог наблюдать, как он не спеша прогуливается. И пока он это делает, самое время рассказать о нем и о его деле, чтобы не возникло представление, будто Режиссер мой лишь прогуливается, немного о чем-то размышляет да еще спит, хотя именно для того он и поехал со мною в Торжок.

Я уже рассказывал, что он очень известный режиссер и создатель знаменитого московского театра. Настолько знаменитого, что мы даже не уточняем, какого именно, тем более что для нашего очерка это совсем не важно. Важно другое. Режиссер мой всю свою жизнь связан с Пушкиным. Он поставил несколько спектаклей, которые имели большой успех у зрителей и критиков. Но из всех его пушкинских работ я видел лишь «Бориса Годунова», да и то лишь после настоятельных рекомендаций моих друзей, считающих этот спектакль выдающимся.

Дело в том, что я редко бываю в театре, а если и прихожу, то с трудом выдерживаю до конца спектакля. Почему-то никак не могу увлечься представлением, даже если в нем заняты выдающиеся артисты. Сам театр, с его закулисой и внутренней беспокойной жизнью, мне гораздо интереснее продукта театра, который кажется беднее и скучнее, несмотря на то что украшен декорациями, яркими костюмами, париками и прочим художеством.

Я больше люблю репетиции. Там бывает интереснее, потому что присутствует то, что называется «творческим процессом». Все же актер – это профессия повтора. Можно, конечно, вносить в роль что-то свое, вкладывать эвристический смысл в уже существующее, всякий раз находить новые движения, выражения лица, оттенки и нюансы. Но в действительности надо неукоснительно следовать тем установкам, которые сформулированы режиссером. Поэтому на репетициях происходят самые настоящие драмы, ломки характеров, нервные срывы и даже истерики. Артисты на режиссера могут обижаться, сердиться, даже тайно ненавидеть его, но какой может

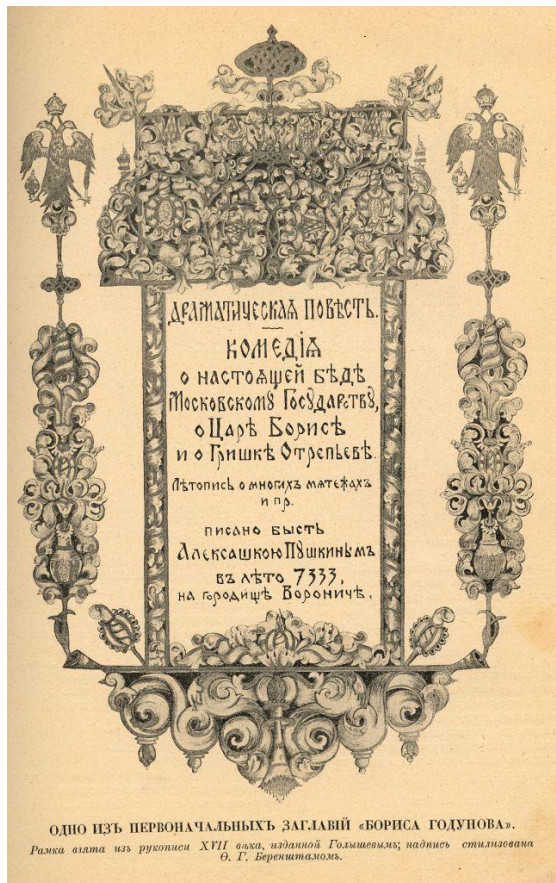
быть протест? Не нравится – ищи другой театр, другого режиссера. Правда, когда спектакль наконец поставлен, сыграна премьера, зал рукоплещет, раздаются «браво!» и зрители дарят цветы – актер забывает обиду, готов сознаться в собственной ограниченности и прочих недостатках и уже виновато, даже с благодарностью поглядывает на режиссера... Но назавтра новая работа, новые репетиции, а значит, новые драмы.

Итак, поскольку я не часто бываю в театрах и мало разбираюсь в утонченном театральном искусстве, то не могу вполне оценить и деятельность моего Режиссера. Соглашаясь с многочисленными оценками и характеристиками, которые обычно бывают в превосходной степени, сам я не в состоянии понять его значение. Мне Режиссер интересен без театра, сам по себе, хотя иногда он и говорит мне с некоторым упреком: «Ну, вы хоть придите, посмотрите спектакль. Там, все-таки, тексты неплохие и актеры стараются».

И несколько раз я был на его спектаклях, даже сидел рядом, и признаюсь, был увлечен Режиссером больше, чем происходящим на сцене. Обычно, в начале спектакля, он заводит артистов своим фонариком. При этом Режиссер машет руками, делает специальные знаки, помогая артистам лучше сыграть. Если у них не получается, Режиссер злится, ругается и даже апеллирует к небесам. Поразительно, но он еще успевает следить за тем, чтобы технические работники театра исправно закрывали двери, если кто-то выходит или входит в зал.

Представляю, каково артистам! Они на сцене, перед публикой, и видят, как из глубины зала Режиссер без конца мигает фонариком, подает какие-то сигналы... Я бы сошел с ума. А актеры ничего. Говорят, что так им даже легче играть.

– Это они так говорят, а на самом деле только и мечтают, чтобы я куда-нибудь исчез, – признался как-то Режиссер. – А как исчезнешь? Только выйдешь из зала – они начинают свое городить. У нас ведь все желают творить, все хотят самостоятельности или, как его... «суверенитета». А в итоге разваливают спектакль.

Итак, однажды я пошел на «Бориса Годунова», а перед тем специально прочел пушкинскую трагедию и таким образом подготовился к спектаклю. Режиссер присутствовал в зале первые пятнадцать минут, мигал фонариком на все четыре стороны, а затем незаметно исчез. Таким образом, от спектакля меня больше ничего не отвлекало. Артисты играли вдохновенно. Видно, что они любят играть этот спектакль. Зрители следили за действием с повышенным вниманием. Я вышел из зала минут за десять до конца... Весь оставшийся вечер и даже всю ночь у меня в ушах звучали песни из спектакля, а

голова была занята мыслями об увиденном.

Женские голоса

*Человек живёт как трава растёт.
Человеческий век яко травный век.
Поутру трава растёт-цветёт –
Со вечеру опадёт.
Человеческий ум яко дым ветром несёт.
Со вечеру человеке во беседе сидел –
Поутру человеке – представился.
Он и очи зажал, и устами замолчал,
И свои древние руци ко своему сердцу прижал.
Соходилися соседи, его сродственники.
Они стали человека водою омывать...*

– *Вы почто меня водою оmyваете?*
Не оmyл я свои грехи горячими слезьми.
Они стали человека землёю осыпать...
– *Вы почто меня землёю осыпаете?*
Не рассыпал я грехи пред духовным пред отцем...

На смертном одре русский царь Борис Годунов принимает от патриарха обряд пострижения в монахи.

Царь
Благослови меня, святой отче.

Патриарх
Желаешь ли быть причислен к лику монашествующих?

Царь
Да, если поможет Бог.

Патриарх
Вольною ли твоей мыслию приступаешь ко Господу?

Царь
Да.

Патриарх
Не каким-либо принуждением или насилием?

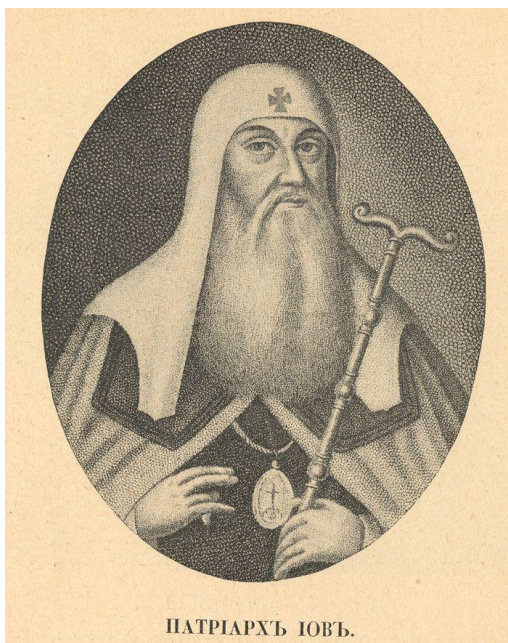
Царь
Нет, святой отче.

Патриарх (бросает ножницы)
Возьми ножницы и подай мне их.
(Царь поднимает и подает ножницы. Патриарх снова бросает их на пол.)

Патриарх
Возьми ножницы и подай мне их.
(Царь подает. Патриарх снова бросает ножницы.)

Патриарх
Возьми ножницы и подай мне их.
(Царь подает. Патриарх начинает пострижение.)

Вот этот обряд пострижения в монахи умирающего Бориса Годунова и запомнился мне особенно. Не точностью соблюдения его, не томительным напряжением, в котором в это время пребывают артисты и зрители, а... обыкновенными ножницами, теми самыми, которые были трижды брошены наземь патриархом и которые трижды поднимал царь Борис.

ПАТРИАРХЪ ЮВЪ.

Посмотрите при случае внимательнее на безобидные ножницы! «Два кольца, два конца – посередине гвоздик». Но кроме этого – скрепленные между собою в одном месте две прямые линии, безобидные и незатейливые. Расходящиеся и сходящиеся по мановению чьей-то десницы, эти линии стремятся навстречу, пересекаются... и тут же расходятся. Но расходятся уже не безобидно, не безопасными колечками, как в своем начале, а остро заточенными и

обращенными лицом к лицу лезвиями.

О, как опасен момент их скользящего соединения! Какой ни с чем не сравнимый звук от соприкасающихся плоских лезвий и какой динамизм в движущейся смертельной точке этого соприкосновения! Не оттого ли цирюльники, прежде чем отрезать клочок волос, любят пощелкать ножницами над ухом клиента?.. Соединенные между собой и обращенные навстречу, опасные лезвия как будто нейтрализуют друг друга и тем гасят агрессию ножниц, превращая их в обычный

бытовой предмет. Но попробуйте разъединить эти заточенные лезвия...

Видели ли вы когда-нибудь половинку ножниц? Обратите внимание, сколь угрожающе выглядит она. Если и захочешь, эту половинку никак не возьмешь лишь двумя пальцами, как это мы запросто делаем с ножницами. Взять ее можно, лишь зажав в кулак. И тогда у вас в руках – опасное и готовое ко злу оружие.

Ножницы, с философской точки зрения, инструмент более сложный, чем гильотина. Там, несмотря на техническую сложность, одинокий нож. Он максимально откровенен, его движение предопределено и находится в жестких рамках. Нож гильотины – единственный и очевидный виновник содеянного. Иное дело – ножницы. Здесь два ножа, две режущие плоскости, и, лишь соединяясь, они способны резать, разделяя ответственность за совершенное: поди разберись, которая из двух половинок разрежала...

И когда задумаешься над этим, становится понятным, для чего мой Режиссер ввел в спектакль столь подробный ритуал посвящения царя в иноки с троекратным бросанием ножниц. Вовсе не только для того, чтобы напомнить современной театральной публике сокровенные таинства пострижения. Что-то еще хотел сказать. Скорее всего, пытался обратить внимание на какие-то особенные *линии* пушкинской трагедии, которые движутся друг другу навстречу, сходятся в одной точке и тут же расходятся вновь. Что же это за драматические линии?

Патриарх бросает ножницы и требует, чтобы царь подал их...

Ох ты Россия, мать Россия, мать российская наша земля...

Бедный и безвестный черноризец твой в монастырской затемненной келье мечтает о том, чтобы владычествовать над тобою и твоими народами. Ради этого он готов оставить монастырь, предать монашеский обет, готов предать и тебя самую, и Бога и идти по кровавому пути насилия, чтобы голову и сердце твои отдать в руки чужеземцев. Море крови, неисчислимы бедствия, братоубийство... Этим умощен путь к московскому престолу.

*Кровь Русская, о Курбский, потечет –
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..*

Знает себе цену самозванец! Но знает и то, что он лишь половина роковых ножниц. Оттого и говорит уверенно:

*...Но пусть мой грех падет
не на меня –
А на тебя, Борис-
цареубийца!*

*Эх ты Россия, мать Россия, мать российская наша земля...
Ей да ой вот и мать российская наша земля...*

Твой государь, всех христиан самодержавный царь, владыка и повелитель неделимой и необозримой земли *от моря до моря*, чья державная власть держится на диком произволе, насилии и лжи, чей

путь к власти усеян интригами, изменами, оговорами и, конечно, трупами, горами трупов, потому что не может утверждаться по-другому самодержавная власть в России, – перед ликом смерти своей спешит каяться, торопится принять монашеский обет и сменить царскую тогу на клобук:

*Ударил час, в монахи царь идет –
И темный гроб моею будет кельей...*

Отчего государь всея Руси Борис стремится прийти туда, откуда столь же неистово торопится удрать молодой монах Григорий? И почему монах так страстно желает участи того, кто перед смертью счастлив успеть покаяться?

Есть ли ответ на эти вопросы и есть ли способ остановить это неотвратимое встречное движение двух опасных режущих плоскостей? Наверное, ответ есть. И не один. Известно лишь, что точка их соприкосновения – жестокая битва, где, пресытившийся русской крови, победитель цинично провозгласит: «Довольно: щадите русскую кровь!»

Самозванец

На войне кто не бывал, тот и горя не видал.

Хор

*На войне кто не бывал, тот и горя не видал.
Кто бежит без руки, кто лишился ноги,
кто изрезан, кто исколот, а кто плавает в крови.
Кто изрезан, кто исколот, а кто плавает в крови.*

Есть только одно средство, могущее предотвратить это смертельное движение, и лишь одна сила, способная остановить губительный порыв: *любовь*.

Второй раз бросает патриарх ножницы, и вновь поднимает их с пола царь... Еще две стремящиеся навстречу линии пушкинской драмы сходятся вместе, чтобы тут же разойтись: *любовь* и *власть*.

Трудно уловить момент их пересечения. Здесь точка соприкосновения едва видимая, а часто невидимая вовсе. Обе половинки «ножниц» не только не уживаются — они настолько противоположны, что вообще исключают какие-либо компромиссы.

Если перед тобою когда-нибудь встанет неразрешимая дилемма: *любовь* или *власть*? — успокойся. Выбора у тебя уже нет. Задавший себе такой вопрос, уже знает ответ. Он выбрал *власть*.

Кто не стремится к власти — пусть не к верховной, не заоблачной, не царской, но к власти хотя бы небольшой? Кто не хочет повелевать, командовать и управлять? Да еще если к тому есть серьезные основания или, как говорят, предпосылки. Попробуй уклонись, откажись, отвергни выпавший жребий. Только ступишь на этот путь, едва добьешься видимых успехов, как само Провидение уже шепчет тебе: *«Не жребий это, а судьба твоя. Повинуйся ей»*. И ты, только-только бывший хозяином своего желания и своей

потаенной мечты, — уже их раб. И нет ничего, через что нельзя было бы перешагнуть.

Где оказываются те цели, ради которых ты вступил на путь, ведущий к власти? Где слова и дела, которые должны были украсить этот путь? Осталось ли что-нибудь от твоей души, от твоего сердца, от глаз, от голоса, от жестов?.. Ничего не осталось, потому что путь к власти не оставляет в стороне ничего, ни одной твоей клетки, ни одного атома... Так красивый и хищный морской цветок поглощает

зазевавшуюся рыбешку: плавно и грациозно. И вот уже в то же самое зеркало смотрит совсем другое твое «я». И что бы ни делал ты, что бы ни говорил – в ушах твоих все время раздается малиновый звон колоколов и ласковый, непорочный голос мальчика:

*Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внимли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здоровьем цветет его семья,
Да осенят ее драгоценные ветви
Весь мир земной – а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.*

Конечно, не обязательно это звон колоколов, далеко не всегда голос мальчика. Могут быть и другие зазывные мотивы, иные голоса, все в том, о каком уровне власти идет речь. Но если трижды тебе снится сон, что лестница крутая ведет на башню и с высоты видится Москва, а внизу народ кипит, что муравейник... тогда непременно колокольный звон и обязательно голос мальчика.

В этом случае остается лишь один шанс спастись от губительного соблазна.

Писать о том, что такое любовь, нет особой необходимости, потому что все равно ничего нового здесь открыть нельзя. Просто, вдруг случается так, что всё вышеперечисленное, включая цели и средства, планы и прожекты, оказывается лишенным всякого смысла,

более того – становится глупым, мелким и непотребным. И вот идущий на царский трон и для этого ведущий за собою легионы войск в одночасье готов от всего отказаться, согласен даже презреть свою цель, еще только что казавшуюся непоколебимой и вполне достижимой. Власть как высокая и благородная цель исчезает, она любви не нужна:

*Что Годунов? Во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.*

Самозванец, замахнувшийся на трон и свершивший чреду предательств, вновь готов стать ничем:

*Твоя любовь... что без
нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская
держава?
В глухой степи, в
землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне
царскую корону,
Твоя любовь...*

Вдруг царские палаты расступаются перед хрупкими васильками в чистом поле, корона меркнет перед сплетенным из полевых ромашек девичьим венком, а царский жезл и держава уступают щебетанию птиц, мирному жужжанию насекомых и ветру, доно-

ИСТОРИЧЕСКАЯ МАРИНА МНИШЕКЪ.

сящему какие-то далекие звуки. Человек останавливается, и уже нет в нем агрессии, нет стремления покорять и подчинять, есть умиротворение, желание покоя и лишь одна цель: чтобы любимая была рядом. Вот когда мы близки к Богу.

Но что же! Чем отвечает самозванцу его любимая на готовность жертвовать царством, а возможно, и жизнью?

В сцене у фонтана любовь и власть пересекаются, линии расходятся острыми лезвиями, обращенными друг против друга, и уже самозванец ведет полки на Москву не ради трона, но ради любви к Марине. Высокая цель – московский престол – становится лишь средством: только в этом случае любимая отдаст ему свою руку.

Но власть, как и любовь, не знает компромиссов, не терпит соперничества. Она как средство долго существовать не может, и вот она уже – цель, и не прощает временной слабости.

САМОЗВАНЕЦЪ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ВЪ ЛЮБВИ МАРИИ

*...Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!*

Где теперь оказываются милые сердцу полевые ромашки и васильки? Где тот теплый и ласкающий лицо ветерок, что доносил

знакомые звуки, и где сами эти звуки? Что осталось в душе от трепета? Где та сияющая улыбка на безмятежном лице?

Все исчезло. Ритм привычной жизни восстановлен. Река вошла в свои берега. Лишь где-то в глубине души затаились редкие укорительные воспоминания о былой «постыдной страсти»!

Х о р п л а к а л ь щ и ц

*Ой, моя родимая матушка...
Ой, куды деваться, родимая?
Ой, милый мой жених, прекрасный королевич.
Ой, не мне же ты достался, не своей невесте.
Ой, моя родимая матушка...
Ой, куды деваться, родимая?
Ой, да в темной могилке, на чужой сторонке.
Ой, никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.
Ой, моя родимая матушка...
Ой, куды деваться, родимая...*

И в третий раз брошены ножницы наземь. И еще повелительнее патриарх приказал царю: *«Поддай мне их»*. И в последний раз новообращенный монах поднял ножницы и подал патриарху.

Это вековые скрещивающиеся линии: нашего народа и нашего государства. Здесь можно размышлять бесконечно. Тема эта столь же неисчерпаема, сколь неисчерпаемы горе и несчастья от вечного противостояния *народа и власти* в России.

Годунов
*Ой Россия ты Россия,
Мать российская наша земля.*

Хор
*Ох да вот и мать российская наша,
ой да ты земля.*

Годунов
Много горя приняла...

Хор
Ох да вот и много горя ой да приняла.

Годунов
Ой и много крови пролила.

Хор
*Ох да вот и много крови,
ой да пролила.*

В чем здесь первопричина бед? В государстве ли, порожденном многовековым безумством народной стихии и гнева и устроенном так, чтобы сдерживать потоки людской ненависти? В народе ли нашем, который безжалостно уничтожался этим государством во все времена и во все эпохи, а всякое вольнодумство пресекалось каленым железом и дыбой, плетью и ГУЛагом? Кто и когда в этом разберется?

«Народ безмолвствует». Но это здесь, у стен Кремля, в центре Москвы, на Лобном месте... А в пяти верстах в сторону? А в сотне верст? А в тысяче?..

Безмолвствует народ наш, безмолвствует – а потом как затянет, только держись:

Самозванец
*Ох да растворите вы мне тёмную темницу.
Дайте мне сиянье ярко белого дня.*

Хор
*Ой, да черную да ну девицу,
сивогривого да ну коня.
Конь гуляет да он в чистом поле.
Без узды скачет и он на воле.
Резво скачет а он гривой свищет.
Хвост по ветру а он распустил...*

Что за безудержная и бесшабашная песня отзывается из глубины, из наших синих далей? Это рвущий душу вопль отчаянья или хмельное упоение слышится из бескрайних просторов?

Стоит у окна в высоком кремлевском тереме царь-государь, самодержец, монарх и прочая, прочая, прочая... и что слышит? Кто поймет? Ведь для того чтобы понять, сколь тяжела шапка Мономаха, самому надобно её надеть. Хоть на мгновенье, на миг. Только чтобы надеть её...

Посмотри на брови, на губы, на нос, взгляни на походку, на жесты, движения, послушай, какой голос... Как ощутить, что ты – полновластный хозяин того, у чего нет ни начала ни конца? Как вести себя, если даже первый из первых вельмож государства – всего лишь твой холоп? Каким мерилom измерить власть твою, если нет в природе ничего такого, что не зависело бы от тебя и за что бы ты не был в ответе перед последним из последних? Какое чувство скрывается в душе твоей, когда знаешь, что нет такого, кто не желает плюнуть тебе в лицо, не говоря уже о смерти твоей, коя желанна для всех и вся, потому что рабский народ твой всегда жаждет перемен в надежде на очередное «улучшенье»?

Посмотрите, во что превращается еще вчера цветущий и пышущий здоровьем человек!

В уродливого монстра, без чувств, без сердца, без всего человеческого... Ну какой артист сыграет вам русского монарха?!

Шаляпинъ въ роли Бориса.

Годунов

Я иду, иду, иду, собаки лают на беду.

Хор

Я иду, иду, иду, собаки лают на беду.

А народ наш? Отыщется ли такая напасть, которую бы он не стерпел и с которой бы не смирился, уповая на Бога? Есть ли предел его рабскому покорству обстоятельствам? Кажется, нет предела, потому что, как только он настает, начинается беспредел, и тогда становится еще хуже, еще ужаснее, и еще беспощаднее время, и больше льется крови, и неисчислимое бедствия.

– Спалили усадьбу, и вместе с нею – старинные книги, бесценные рукописи, уникальные иконы... Варвары! Чернь! Быдло!

– Да как же не спалить, когда в этой деревне пять веков пороли крестьян, и часто до смерти!

Вот и вся наша российская дискуссия.

В помощь беспощадному государству – реформаторы.

В помощь обезумевшему от произвола народу – революционеры. Ими расходятся и сходятся вновь острые лезвия бесчувственных ножниц. И нет ничего, что устояло бы перед их неотвратимым встречным движением. Где здесь место гению?..

Пойду выйду да на вулицу

да разыграю в харавод.

Э-ой лё ли, лё ли, ля,

да разыграю в харавод,

а я у милого ворот.

Э-ой лё ли, лё ли, ля.

А я у милово варот,

а у моего у милого.

Эй лё ли, лё ли, ля...

Помню, я вышел тихо из зала, осторожно прошел через фойе мимо гардероба к выходу... Спектакль еще продолжался. Актеры

пели «Вечную память»: отпевали Бориса. Через полчаса в театре не будет ни души.

Ай да Режиссер! Ай да... молодец! Каково придумал с ножницами!

Я так увлекся рассказом о Режиссере и его спектакле, что не заметил, как меня всюду разыскивают, чтобы увезти в Торжок. Какого-то специального транспорта у организаторов праздника не нашлось, и потому за мной заехал автобус, в котором возвращались в город участники Троицких гуляний. Оказалось, это ансамбль «Ленок», существующий, между прочим, еще с начала 60-х годов и считающийся едва ли не самым знаменитым в районе. Шутка сказать, в одной Италии ансамбль побывал раз пять или шесть! Все разодеты в народные костюмы и, что еще важнее, безостановочно поют. Они затихли лишь на несколько секунд, когда я вошел в автобус. После мучительной для меня паузы раздался дружный смех (конечно же, надо мной!), и этот смех тут же перешел в песню:

*Что не в трубоньку-ли трубят рано по заре,
ой да рано по заре.*

*У нас Машенька плачет жалко по косе,
ой да жалко по косе.*

*Уж как вечер её косыньку девушки плели,
ой да девушки плели.*

*Ой, да разложили косыньку нашестеро,
ой да нашестеро.*

*Ой, да заплетали косыньку на две косы,
ой да на две косы.*

*Ой, да увивали косыньку круг головы,
ой да круг головы.*

*Уж как будто бы тому, да Ивану-молодцу,
да Ивану-молодцу.*

*Уж как велел её косыньку расплести,
ой да расплести.*

*Уж как златом и серебром,
ой, да развести, ой да развести.*

Так, не успев уйти от пушкинской трагедии (комедии?), я был тут же к ней возвращен народной песней, которая звучала точно так же, как на спектакле. Вот и все ответы на вопрос: «Какое это имеет отношение к Пушкину?»